

Победитель Международного литературного конкурса имени Гумилева "Заблудившийся трамвай" в 2005 году. Живет в Санкт-Петербурге (Россия).

Золотая рыбка

Старуха была потлива и хлопотлива.
Худую рукой в кобальтовых прожилках вен
она собирала щепки в момент отлива,
и ветер взбивал ей волосы, словно фен.

Старик поутру - в движениях слишком зыбок
побрёл на причал, до вечера там торчал.
Закат нерестился икрою солнечных рыбок,
и взгляд старика нездешний свет излучал.

Пришёл он домой – стремительный, точно циркуль,
цветущий, как фикус, будто сквозь быт пророс,
уселся за стол и странные строчки чиркал
на старых газетах, пачках от папирос.

Старуха мала, как нэцке, лишь веки-клёцки
набухли, пlying в солёном бульоне слёз.
Она обижалась по-детски, а дед по-скотски
с ней поступал – не воспринимал всерьёз.

Она бормотала: «Рукопись золотая,
волшебною рыбкой вынырни под пером!
Тогда, чешуёй монет прорехи латая,

мы премии всевозможные соберём.

Нахлынут халява, слава, эссе, буклеты,
в глазах зарябит хвалебных статей петит.
Мы так на волне взлетим, что в лакуны Леты
забвенье нас не затанет, не поглотит».

Глаза старика моргали, с трудом вникали,
застыл в них непонимания вязкий ил,
а после прикрылись веками-плавниками...
Он снова схитрил – он раньше нее уплыл.

Коллекция

Ваша свежая протеже – престарелая травести
с ногами кривыми настолько, что хочется заплести
их в косичку, а снизу бантик – морским узлом,
чтоб не ползла вослед в кураже полупьяном, злом,

чтоб не зудела в ухо, к телу не льнула вьюном.
Впрочем, это неважно. Она явилась в ином
электрическом свете, где охрой вымазан коридор,
где в туалете школьном – один на всех «Беломор»,

треснувший кафель, бессильный смех, инфантильный грех,
где мушкетёры – один за всех, и миледи – одна на всех.
Кочерыжка в фартуке мятом, малолетняя моль.
Надо лбом конопатым - чёлки взбитая пергидроль.

Из перламутровых уст - портвейна амбре,
след рифлёной резинки на рельефном бедре...
Память тасует рифмы, и вот он - промежду строк
острый, как пот в подмышках, юношеский порок.

Вы – зажёванный жизнью мальчик, в узких джинсах, с наплывшей килой.
В тесном классере сердце прилеплен облик былой.
То есть, это не просто несвежая травести,
а ностальгии короста, которую не отскрести.

Оттого-то вы их и ловите – безотрадных, ничьих, чужих,
маргинально-фатальных кисок, убогих полубомжих.
В их миру вы – писатель, классик, гуру, сотрясатель основ,
воспаривший Парис, кипарис среди кочанов.

Посвящая им вирши с подтекстом, будто все судьбы верша,
коронуете ту сегодня, в ком чуть слышно шуршит душа,

сентиментальная слезь случайно слилась из глаз?
Забирайте свой приз! Подростковая травма срослась...

Приморский город

Лиман мелковат, население хамовато,
фольклор небогат – едва ли пяток историй.
И к вечеру тянет лечь простыня заката
с заплатами туч, над вечным матрасом моря.

Вообразив себя Афродитой в пене,
простив себе недалекий полет фантазий,
на берег вползи, о камни содрав колени,
замыленным взором местный пейзаж облажай.

За водной стеною, пеленою степною,
меж сумерками и светом падет запруда,
и вспыхнет Луна, как будто глазок в иное
пространство недостижимое, откуда

приходят такие ветры, что сносит разум,
такие картины, от коих давно отвыкли –
то крейсер в порту щетинится дикобразом,
то байкер летит на сумрачном мотоцикле.

Электрокардиограмма огней портовых
пульсирует вдалеке, не видны разрывы.
Не думай о затонувших судах, о вдовах, -
на грани волны и мглы все условно живы.

Сбиваемся в небесах, будто тени – в стаи,
из-под воды мерцаем - бледны, как блики
в том городе, что разлёгся, волны листая,
над морем, над миром, на сломе – точнее, на стыке.

[Страница автора в Сети](#)